КОНФЛИКТ ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА КАК ФОРМА КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА БУЛГАКОВА И ЭРКИНА АЗАМА

УДК 82.091:821.161.1+821.512.133

Ахтамова Нилуфар Шахобиддиновна

магистрант Азиатского международного университета

nilufar.axtamova001@gmail.com

Аннотация. *В статье сопоставляются формы конфликта личности и общества в романе «Мастер и Маргарита» и повести «Собачье сердце» М.А.Булгакова, повести «Жавоб» и романе «Шовқин» Эркина Азама. Конфликт рассматривается как кризис идентичности, разворачивающийся вокруг трёх маркеров, а именно имени, документа и статуса, памяти. Показано, что у Булгакова кризис разрешается разрывом героя с обществом, тогда как у Эркина Азама он ведёт к внутреннему ответу и самоотчёту. Типологическое сходство авторов проявляется в фигуре тихого героя, который не вступает в открытую борьбу.*

Ключевые слова. *Булгаков, Эркин Азам, кризис идентичности, личность и общество, имя, память, сравнительно-типологический анализ.*

Введение

Конфликт личности и общества принадлежит к сквозным темам литературы XX века. В эпохи социальных переломов он редко сводится к столкновению интересов. Под угрозой оказывается сама способность человека ответить на вопрос, кто он такой. Э.Эриксон, разработавший понятие кризиса идентичности, настаивал на его психосоциальной природе. «Ни одно эго не может существовать отдельно от других, как одинокий остров» [6, с. 75]. Отсюда следует, что кризис идентичности всегда разыгрывается на границе внутреннего мира человека и социальной среды.

Михаил Булгаков и Эркин Азам принадлежат разным литературам и разным эпохам. Булгаков писал о Москве двадцатых и тридцатых годов, когда новая власть перекраивала социальные роли, имена, жилища. Народный писатель Узбекистана Эркин Азам вошёл в литературу в семидесятые годы, а его роман «Шовқин» («Шум») обращён к переломным девяностым. Тем не менее у обоих писателей герой теряет или отстаивает себя в столкновении с обществом, которое навязывает ему имя, статус, роль. В доступной нам научной литературе сопоставление этих авторов не проводилось, что определяет новизну работы.

Цель исследования состоит в выявлении типологии конфликта личности и общества как формы кризиса идентичности у Булгакова и Эркина Азама. Для её достижения предстояло решить три задачи. Нужно было определить маркеры идентичности, на которые направлено давление общества; описать формы реакции героев; сопоставить исходы конфликта в русской и узбекской прозе.

Методы

Материалом послужили роман «Мастер и Маргарита» и повесть «Собачье сердце» М.А.Булгакова [3; 4], повесть «Жавоб» («Ответ», 1986) и роман «Шовқин» Эркина Азама [8; 9]. Узбекские тексты пересказываются и цитируются в нашем переводе. Сопоставление носит типологический, а не генетический характер. Прямое влияние Булгакова на Эркина Азама в работе не утверждается. Речь идёт о сходных ответах двух литератур на сходную ситуацию, когда общество в период перемен присваивает себе право определять, кем является человек. Ведущим стал сравнительно-типологический метод, дополненный психосоциальным подходом Э. Эриксона [6] и мотивным анализом.

Анализ строился по единой схеме. Для каждого героя фиксировались, во-первых, социальная сила, вступающая с ним в конфликт; во-вторых, маркеры идентичности, на которые направлено давление; в-третьих, исход конфликта. В качестве маркеров были выбраны имя, документ вместе с

социальным статусом, память о прошлом. Такой выбор продиктован самими текстами, где именно эти элементы оказываются предметом спора между героем и средой. Результаты сведены в таблицу 1 и обобщены на рисунке 1.

Результаты

Сопоставление позволило выделить три маркера идентичности, вокруг которых разворачивается конфликт. Это имя, документ вместе с социальным статусом, память о прошлом. Их распределение по героям показано в таблице

Таблица 1. Конфликт личности и общества в произведениях М.Булгакова и Эркина Азама

Герой и произведение	**Социальная сила**	**Маркер кризиса**	**Исход конфликта**
Мастер, «Мастер и Маргарита»	литературный официоз МАССОЛИТа, травля критики	отказ от фамилии, сожжённая рукопись, палата клиники	уход в «покой» и забвение вне общества
Шариков, «Собачье сердце»	домком Швондера, новая бюрократия	имя из календаря, документ, должность в подотделе очистки	обратное превращение, сконструированная личность не состоялась
Нуриддин Элчиев, «Жавоб»	семья жены, карьеристская среда, уличное насилие	положение ичкуёва, обращение по фамилии, безмолвие	подведение итогов жизни, внутренний ответ
Фарход Рамазон, «Шовқин»	киносреда, перелом девяностых годов	двойное имя, «шум» эпохи, поездка в город юности	встреча с прошлым «я»

Имя. Булгаковский Мастер лишён имени, отчества и фамилии. Ивану Бездомному он объясняет, что отказался от фамилии, как и вообще от всего в жизни [3]. Е.Ю.Колышева, опираясь на наблюдения М.О.Чудаковой, называет его «персонаж без имени и биографии» [5, с. 109]. Безымянность здесь не художественная прихоть, а след травли. З.Н.Бакалова и И.Г.Сагирян показывают, как герой сначала стремится отделить себя от МАССОЛИТа [1, с. 437], а затем изнемогает в неравной борьбе с пасквилянтами [1, с. 438]. Взамен имени общество оставляет ему номер палаты в клинике Стравинского.

В «Собачьем сердце» движение обратное. Общество не отнимает имя, а выдаёт его. Бывший пёс сам выбирает себе имя Полиграф Полиграфович по календарю, а председатель домкома Швондер добивается для него документа, прописки, должности в подотделе очистки [4]. Идентичность собирается из бюрократических деталей, однако внутреннего содержания у неё нет. Швондер снабжает Шарикова не только документом, но и готовой идеологией, вручая ему для чтения переписку Энгельса с Каутским [4]. Новая личность получает набор чужих слов, которые заменяют ей собственный опыт. Обратная операция возвращает Шарикову собачий облик. Сконструированная личность исчезает так же легко, как была оформлена.

У Эркина Азама давление менее зримо, зато проникает глубже. Нуриддин Элчиев, герой повести «Жавоб», выходец из сурхандарьинского кишлака, женится в Ташкенте и поселяется в доме жены на положении ичкуёва, то есть зятя, живущего в семье супруги. Друг юности Хайдар делает научную карьеру и постепенно меняет обращение к нему. Сначала звучит дружеское «жўражон», затем просто имя, наконец официальное «Элчиев» [9]. Имя героя буквально сжимается до фамилии в ведомости. Г. Н. Муродов и Б. Б. Шукурова видят в нём тип безмолвного человека и подчёркивают, что «немой человек не требует своих прав» [10, p. 1201].

Документ и статус. Для булгаковских героев статус задаётся извне, бумагой. Шариков существует постольку, поскольку у него есть удостоверение. Мастера лишает дома донос Алоизия Могарыча, написанный

ради того, чтобы занять подвальную квартиру героя. Показательно, что и возвращение Мастера к себе Булгаков оформляет через бумаги. Коровьев сжигает историю болезни Мастера и убирает запись о Могарыче из домовой книги, поясняя, что без документа нет и человека [3]. У Элчиева статус определяется не документом, а положением в семье и в иерархии знакомых. Перелом наступает, когда хулиганы жестоко избивают героя. По наблюдению Г.Н.Муродова и Б.Б.Шукуровой, именно это насилие меняет его жизнь [10, p. 1201]. В сорок восемь лет Элчиев подводит итог и признаёт, что прожил жизнь на оценку «қониқарсиз», то есть «неудовлетворительно» [9]. Заглавие повести прочитывается как ответ, который герой даёт на экзамене собственной жизни.

Память. Булгаковские герои стремятся к забвению. Е.А.Яблоков пишет, что у Булгакова «беспамятство позволяет выйти из парадигмы темпоральных, «земных» отношений, обретя «вневременный» покой» [7, с. 8]. В финале романа Мастер получает вечный приют, причём забывает не только он сам, его тоже предают забвению [7, с. 26]. Роман «Шовқин» построен противоположным образом. Известный сценарист Фарход Рамазон, носящий также имя Фидель, на рубеже девяностых едет в Москву, где когда-то учился. Поездка оборачивается встречей с прошлым [8]. «Шум» эпохи заглушает голос героя, однако память не стирается, а становится инструментом самоотчёта. М. Б. Баротова подчёркивает выраженный национальный дух романа, который с трудом поддаётся передаче при переводе [2, с. 89]. Именно национальная почва, а не бюрократическая система, служит здесь мерилом утраченной и вновь обретаемой идентичности.

Обобщение материала позволяет представить механизм конфликта в

виде схемы (рис. 1).

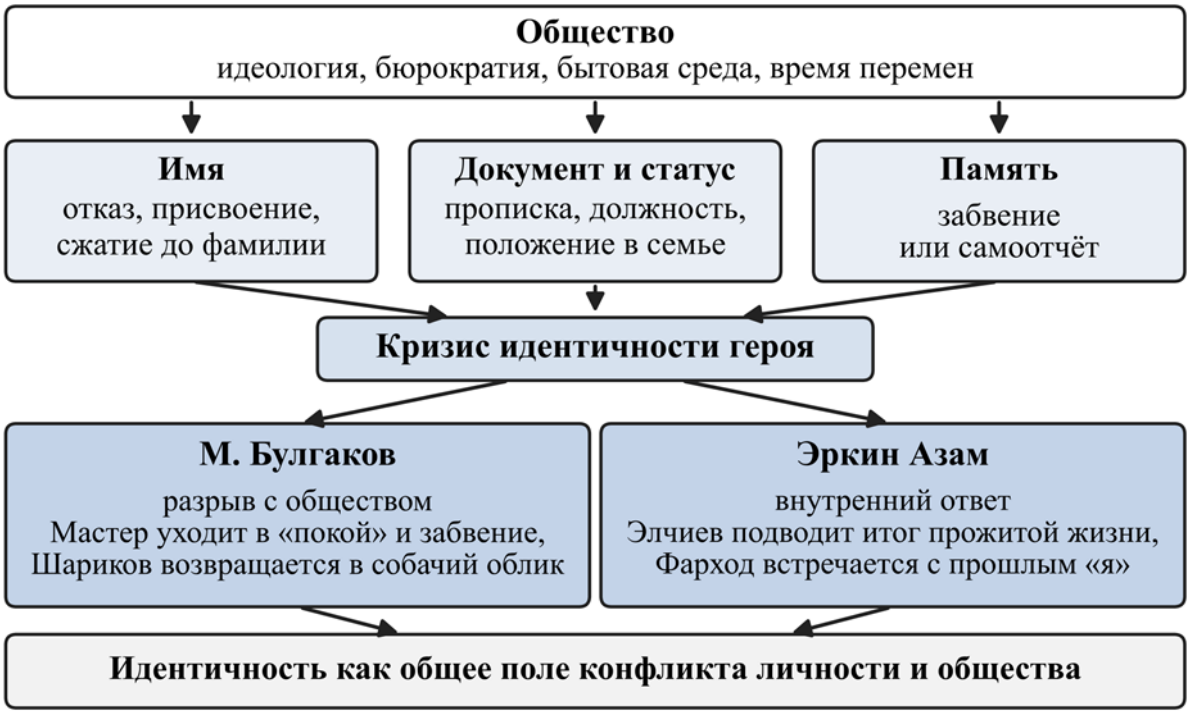

Рисунок 1. Модель конфликта личности и общества у М.Булгакова и Эркина Азама

Обсуждение

Типологическое сходство двух писателей проявляется прежде всего в фигуре тихого героя. Ни Мастер, ни Элчиев не вступают в открытую борьбу с обществом. Мастер изнемогает под ударами критики, Элчиев годами молчит в чужом доме. В обоих случаях давление направлено не на поступки, а на то, что составляет основу личности, то есть на имя, место в мире, память.

Фигура безмолвного героя роднит прозу Эркина Азама с более широкой традицией литератур Центральной Азии. Г.Н.Муродов и Б.Б.Шукурова ставят Элчиева в один типологический ряд с дедом Момуном из «Белого парохода» Ч.Айтматова, выделяя общие черты покорности и беззащитности [10]. Булгаковский Мастер при всей разнице культурного контекста принадлежит к тому же типу. Он не спорит с критиками, не пишет опровержений, а отступает сначала в подвал, затем в клинику. Различие обнаруживается в оценке этой тишины. Для Булгакова молчание Мастера вырастает из страха, за который герой расплачивается утратой имени. У

Эркина Азама безмолвие Элчиева долго воспринимается как добродетель скромности и лишь к финалу повести становится предметом мучительного самоанализа.

Особого внимания заслуживает мотив имени. В узбекской культуре форма обращения тонко регистрирует степень близости и социальную дистанцию. Переход от ласкового «жўражон» к официальному «Элчиев» фиксирует постепенное исключение героя из круга «своих» без единого открытого конфликта. Булгаков, напротив, делает утрату имени демонстративной. Мастер сам заявляет об отказе от фамилии, а Шариков настойчиво добивается, чтобы его прописали Полиграфом Полиграфовичем. Узбекский писатель показывает, как общество стирает имя незаметно, русский писатель изображает имя полем открытой борьбы.

Различие касается исхода. У Булгакова кризис разрешается за пределами общества. Мастер уходит в «покой», Шариков возвращается в собачье состояние. Ни один из них не находит себе места в советской Москве. Подобный исход объясним условиями, в которых писался роман, ведь прямое идеологическое давление не оставляло пространства для компромисса. У Эркина Азама герой остаётся в своей среде. Его ответ обществу звучит внутри самого героя, в форме самоотчёта и переоценки прожитого. Если воспользоваться логикой психосоциального подхода Э.Эриксона [6], у Булгакова кризис заканчивается распадом связи между «я» и социумом, тогда как у Эркина Азама он становится этапом нового самоопределения.

Можно предположить, что этот контраст связан с культурным контекстом. Для узбекской прозы семья, махалля, кишлак остаются той почвой, от которой герой не может отказаться полностью. Поэтому даже утрата себя переживается у Эркина Азама как временное отчуждение, а не как окончательный разрыв. Подтверждение этой гипотезы требует расширения материала. В перспективе к сопоставлению целесообразно привлечь роман «Белая гвардия» Булгакова, ранние повести Эркина Азама, а также русские переводы его прозы.

Заключение

Проведённое сопоставление показывает, что конфликт личности и общества у М. Булгакова и Эркина Азама принимает форму кризиса идентичности. Давление среды направлено на три маркера, а именно имя, документ вместе со статусом, память. Булгаковские герои либо лишаются имени и уходят в забвение, либо получают имя и документ, за которыми нет личности. Герои Эркина Азама переживают более тихое отчуждение, которое завершается внутренним ответом и возвращением к себе. Общим для обоих писателей остаётся понимание идентичности как поля, на котором человек ведёт свой главный спор с обществом и с самим собой.

Список литературы

1. Бакалова, З. Н. Языковая репрезентация образа Мастера в романе М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» / З.Н.Бакалова, И.Г.Сагирян // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. 2017. Т. 27, вып. 3. С. 436-440.

2. Баротова, М. Б. Эркин Аъзамнинг «Шовқин» романи таржимасида миллий характерга хос хусусиятларнинг берилиши / М.Б.Баротова // Ўзбекистонда хорижий тиллар. 2019. № 4. Б. 89-100.

3. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита: роман / М. А. Булгаков. Москва: Эксмо, 2019. 480 с.

4. Булгаков, М. А. Собачье сердце. Жизнь господина де Мольера. Повести. Рассказы / М.А.Булгаков. Москва: Эксмо, 2021. 640 с.

5. Колышева, Е. Ю. Автобиографизм в истории текста романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» / Е.Ю.Колышева // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2025. Т. 29, № 1. С. 108-117.

6. Эриксон, Э. Г. Кризис идентичности в автобиографической перспективе / Э.Г.Эриксон; пер. О.А.Симоновой // Личность. Культура. Общество. 2008. Вып. 1 (40). С. 73-89.

7. Яблоков, Е. А. Платок с синей каемочкой, или Парадоксы беспамятства (меморативный дискурс в произведениях Михаила Булгакова) / Е.А.Яблоков

// Przegląd Rusycystyczny. 2021. № 4 (176). C. 7-29.

8. A’zam, E. Shovqin: roman, qissa, hikoyalar / E.A’zam. Toshkent: O‘zbekiston, 2011. 240 b.

9. A’zamov, E. Javob / E.A’zamov. Toshkent: Yosh gvardiya, 1986.

10. Murodov, G‘. N. Poetics of modern Uzbek storytelling (based on the work of E. Azam) / G‘.N.Murodov, B.B.Shukurova // European Journal of Molecular & Clinical Medicine. 2021. Vol. 8, Iss. 3. P. 1200-1206.